

УДК 39(=221.18)
ББК 63.521(=521)-53
Л 17

Э.Т. Лазарова,

кандидат исторических наук, доцент кафедры государственного и муниципального управления НОУ ВПО «Владикавказский институт управления», г. Владикавказ, тел.: 89194284020, e-mail: lasarova@inbox.ru

Н.Ю. Туаева,

кандидат исторических наук, доцент кафедры гуманитарных дисциплин НОУ ВПО «Владикавказский институт управления», г. Владикавказ, тел.: 89188381195, e-mail: tuaeve-n@mail.ru

СЕМЬЯ И ДЕМОГРАФИЧЕСКОЕ ПОВЕДЕНИЕ В КАВКАЗСКОМ ОБЩЕСТВЕ: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

(Рецензирована)

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы семьи, семейных отношений и демографического поведения в традиционном кавказском обществе. Являясь одним из важнейших общественных институтов, семья аккумулировала традиционный способ и формы жизнеустройства, соединив индивидуальную и общественную жизнь человека, формируя ценностные ориентации и потребности личности, создавая рациональные бытовые традиции. Одной из приоритетных ценностей была многодетная семья. Не отвергая закономерные процессы трансформации института семьи сегодня, особенно важным представляется сохранение ее традиционной модели и социальных функций.

Ключевые слова: традиционное общество, традиционная семья, демографическое поведение, семейно-брачные отношения, многодетная семья, социальные функции, ценностные ориентации.

E.T. Lazarova,

Candidate of History, Associate Professor of the Department of State and Municipal Management NOU VPO "Vladikavkaz Institute of Management", Vladikavkaz, ph.: 89194284020, e-mail: lasarova@inbox.ru

N.Yu. Tuaeveva,

Candidate of History, Associate Professor of the Humanities Department, NOU VPO "Vladikavkaz Institute of Management", Vladikavkaz, ph.: 89188381195, e-mail: tuaeve-n@mail.ru

FAMILY AND DEMOGRAPHIC BEHAVIOR IN THE CAUCASIAN SOCIETY: HISTORY AND MODERNITY

Abstract. The paper deals with family issues, family relations and demographic behavior in the traditional Caucasian society. As one of the most important public institutions, a family has accumulated a traditional method and form of living arrangement, combining individual and social life of a person, creating value orientations and needs of an individual, as well as the rational domestic traditions. One of the priority values was large family. Not rejecting the legitimate processes

of transformation of the family institution today, it is especially important to preserve its traditional models and social functions.

Keywords: traditional society, traditional family, demographic behavior, family and marital relations, a large family, social functions, values.

Семья занимает важное место в системе жизнедеятельности любого этноса. Историческая обусловленность семьи заключается в том, что, будучи одним из наиболее устойчивых общественных институтов, она приспосабливается к меняющимся общественным условиям и отношениям, сохраняя при этом свои важнейшие социальные функции: репродуктивную и воспитательную. Как основная форма общности людей семья соединяет индивидуальную и общественную жизнь человека, формирует ценностные ориентации и потребности личности, создает рациональные бытовые традиции.

Сложившиеся традиции семейно-брачных отношений у народов Северного Кавказа претерпевали определенные изменения, испытывали на себе внешнее влияние, но в целом сохранялись неизменными вплоть до начала XX века. Существование семейной общины, преобладание фамильных связей, с одной стороны, сковывали и ограничивали личную жизнь человека, с другой стороны – делали ее совершенно прозрачной для окружающих. При этом тотальный контроль, который проникал во все сферы личной жизни каждого члена общины, оказывался лучшим регулятором поведения ее членов.

Вступление в брак и создание семьи было моральным долгом каждого человека, необходимым и естественным условием жизни. «Быть человеком без семьи – страшное проклятие», – гласит осетинская поговорка. Только серьезные физические недостатки, по мнению горцев, могли быть причиной, по которой у человека могло не быть семьи. Но и в этом случае он оставался в рамках семейной общины, среди ближайших родственников,

для которых делом чести становились вопросы заботы и покровительства над одиноким человеком. И в то же время, в случае нарушения социальных норм, традиционного кодекса поведения, человек становился изгоем, прежде всего – в кругу ближайших родственников и семьи.

Сама семья как социальный институт в процессе исторического развития подвергается определенным изменениям. У народов Северного Кавказа в разные периоды времени преобладали разные формы семейных образований. Заслуживает внимания исследование кавказской семьи русского ученого-кавказоведа М.М. Ковалевского. Он писал, что для доказательства существования на определенном историческом этапе такой формы семьи, как семейная, домовая община, он обратился к кавказским народам, назвав при этом пшавов, сванов и осетин, которые к этому времени, как он говорит, сохранили «многочисленные следы своей первобытной культуры» [1; 32]. Совершив три поездки на Кавказ, он приходит к следующему выводу: именно осетинская семейная община в наиболее полной форме сохраняла свои архаические черты. «Эти поездки дали мне возможность собрать обильные сведения, которые я использовал в своих работах «Первобытное право» и «Современный обычай и древний закон». «Осетинский двор в разных местностях Осетии представляет собой группу лиц в 20, 40, 60 и даже 100 или около того» [2; 10]. Внимание заслуживают и многочисленные данные о том, что в горной Осетии «дома селений разбросаны, но часто имеется до пяти домов в одной изгороди с башней» [3; 229].

В своем развитии большая семья прошла несколько этапов,

каждый из которых является отражением определенных социально-экономических отношений. Эволюция большой семьи особенно четко прослеживается при рассмотрении ее численности: 100 и более человек – для отдаленного прошлого; 40, 50, 60 человек – для позднейшего времени; 15-20 человек – для неразделенной семьи пореформенного времени [4; 36].

Длительное существование большой семьи было обусловлено природными условиями и рядом социально-экономических причин, прежде всего, низким уровнем развития производительных сил. Многочисленные семьи легче справлялись с ведением хозяйства. Они могли выделять людей для занятий ремеслами и отхожими промыслами. Кроме того, большие семьи несли меньше расходов на инвентарь и домашнюю утварь. Существенной причиной их сохранения было малоземелье, особенно в горах. Кроме того, семейный раздел не был внутренним делом отдельной семьи, он не мог состояться без согласия сельской общины, которая всячески препятствовала разделу из-за своих земельных и фискальных интересов. Определенную роль в сохранении больших семей играли традиции. При жизни родителей семейные разделы, как правило, не проводились. Во всяком случае, они осуждались обществом. Большая семья, как преобладающая форма семьи в Осетии, бытовала вплоть до первой половины XIX века, о чем свидетельствуют литературные, этнографические и полевые материалы. «Мы видим семьи душ до 40 и более, потому что раздел между братьями при жизни родителей – явление слишком редкое и ненормальное» [5; 16]. Известный кавказовед П.С. Уварова, указывая на архаический быт осетин, писала: «В сакле живет обыкновенно многочисленная семья, ибо дележи и ссоры семейные еще не в обычае у осетин» [6; 71].

Такие же семейные традиции существовали и у соседних народов. «У чеченцев и ингушей семьи, как правило, многодетны. Больше того, в одном доме живут со своими семьями несколько братьев. И здесь существует веками сложившаяся система норм и правил взаимоотношений» [7; 39].

Большая семья у осетин состояла из 3-4 поколений проживающих в ней кровных родственников и была по своему укладу патриархальной. Во главе её стояли старшие, которые решали все вопросы семейного быта. Семейная община в почти неизменном виде существовала примерно до середины XIX века. Распад больших семей начался в 20-х годах XIX века и был связан с массовым переселением горцев из горной местности на равнину. Переселившиеся семьи получали земельный надел, что стимулировало выход из большой семьи малых ячеек, как правило, брачных пар среднего или молодого возраста. К середине XIX века семейные разделы участились и к началу XX века они стали обычным явлением. Решающее значение в процесс эволюции семьи имело развитие капиталистических отношений. Разложение натурального хозяйства, развитие рыночных связей, рост отходничества, извозный промысел формировали частную собственность, что обеспечивало им самостоятельное существование.

В процессе разложения больших семей складывалась промежуточная форма или «поздний вариант» большой семьи – неразделенная семья со значительным сокращением численности ее членов до 15–20 чел. В 1905 году из 12 044 семей Владикавказского округа 560 семей состояли из двух человек, 778 семей – из трех, 1167 семей – из четырех, 1431 семей – из 5, 5810 семей из 6–10, 2085 семей – из 11 и более лиц, т.е. численность большинства осетинских семей в указанное время составляла 6–10 чел. [8; 50].

Постепенно формировалась малая индивидуальная семья, которая у осетин часто была представлена не только брачной парой с детьми, но и жившими с ними родственниками. Такие семьи часто превращались в неразделенные, так как женившиеся сыновья продолжали жить в доме с родителями. Это явление характеризует промежуточный, паллиативный вариант семейной организации.

Таким образом, эволюция семьи проходила в направлении уменьшения ее численности и сокращения круга родственников, ведущих общее хозяйство.

Семья и семейная община была основным регулятором поведенческих норм. Кавказским народам были свойственны твердые нравственные устои, в том числе устои половой морали. Один из первых кабардинских просветителей Ш.Б. Ногмов особо подчеркивал в 1840-х годах, что адыги «славились своим целомудрием» [9; 208]. Народные традиции допускали половую жизнь только в рамках супружеских отношений. Девушку, уличенную в добрачной связи, никто не брал замуж, а если эта связь не получала огласки, то после первой же брачной ночи ее отправляли к родителям, а те могли ее убить или продавать в рабство.

Главное предназначение семьи – рождение детей, что имело большое социальное и психологическое значение в традиционно-бытовой культуре. В архаичных представлениях осетин деторождение связывалось с воздействием сверхъестественных сил; именно от них зависело, будут ли у женщины дети или нет (при этом, в народе видели причину бесплодия только в женщине – прим. автора) [9; 207]. Появление детей в каждой семье – явление ожидаемое, но рождение мальчика и девочки воспринимается по-разному. В соответствии с патриархальными традициями, сыновья являлись «гарантией прочности социальных позиций»

семейного коллектива, были продолжателями рода, главными защитниками семьи и наследниками ее имущества. Поэтому рождение сына воспринималось как особо радостное событие, тогда как появление на свет девочки проходило более скромно и незаметно. «Больше того, считалось большим несчастьем, если в семье рождались только девочки. Только после рождения сына женщина обретала в семье мужа некоторую свободу, почет и уважение» [10].

Появившийся в семье мальчик – «хадзары цаджындз», «бындур», буквально – камень основания. «В роде мужчина дороже всех», «Дурной между мужчинами, лучше хорошей между женщинами», – так гласили осетинские пословицы. Поэтому не было для женщины-осетинки лучшего пожелания, чем родить сына: «лаппу дын райгуырад» – «пусть родится у тебя сын». Н. Берзенов в 1850 году писал: «Точно так же, как у мужчин предметом желаний бывает отвага и расторопность на охоте, у женщин главную роль играет рождение сына. Это основание их надежд и радостей. Презренна и несчастна та женщина, у которой нет, по крайней мере, одного сына между дочерьми» [11; 208].

Заключение брака регулировалось нормами обычного права и религии, и рождение детей и их воспитание рассматривались как величайшее благо. Разводы семейных пар были крайне редким явлением, но не осуждались вторые браки, преимущественно мужчин, распространен был левират.

С рождением уже первого ребенка повышался общественный статус отца и укреплялось семейное положение матери, которой в случае бездетности могли грозить развод или появление в доме второй жены. Двоеженство как явление было распространено среди осетинской знати.

Отсутствие наследников и детская смертность воспринимались как наказание свыше. Желая иметь в семье детей, женщины обраща-

лись за помощью к «святым покровителям». Главным святилищем считалось Мады Майрам – «Матери Марии», так как именно она считалась у осетин покровительницей деторождения. «Под этим религиозным образом после принятия христианства осетинами, по-видимому, подразумевалась древняя аланская богиня домашнего очага, которой поклонялись женщины» [12].

В традициях кавказской семьи – иметь много детей. Традиции многодетности характеризуют демографическую ситуацию. Реальная численность детской части социума подтверждается посемейными списками осетинских крестьян за 1886, 1905–1906 годы. Эти списки составлялись в ходе сплошного подворного обследования специальными комиссиями, которые фиксировали данные о численном и поколенном составе семьи, ее структуре, численности детей, их родственном отношении к главе семьи [13].

По посемейному списку за 1906 год, временно проживающих крестьян в равнинном селении Хумалаг значитса 39 семей. Среди них

– ни одной бездетной, по одному ребенку имело 4 семьи, по два ребенка – 5 семей, по три ребенка – 7 семей, по четыре ребенка – 9 семей, по пять и более детей – 14 семей [14].

В посемейном списке селения Кора значитса 77 семей. В трех семьях детей не зафиксировано, по одному ребенку имело 10 семей, где родители были молодого возраста, по два ребенка – 14 семей, по три ребенка – 10 семей, по четыре – 7 семей, по пять – 19 семей, по шесть и более – 14 семей. Ни в одной семье не зафиксировано больше 8 детей [15]. Как показывают все списки, кроме родных детей и внуков, в семьях часто проживали племянники, несовершеннолетние братья и сестры главы семьи. Поэтому детская часть семьи и социума была многочисленной.

Анализ посемейных списков позволяет определить и другие аспекты демографического поведения осетин. Нами проведен выборочный анализ списков по 20 селениям, среди которых представлены горные и равнинные, христианские и исламские поселения.

Таблица № 1

Демографическая ситуация в Осетии в начале XX века

№	Селение	Всего жителей	Всего семей	Число брачных пар	Всего детей	Числ-ть семьи	Всего детей в семье
1.	Ацонаг	164	17	29	88	9	5
2.	Ногкау	325	21	40	146	15	6
3.	Каражаевское	67	11	16	34	6	3
4.	Алагир	814	244	294	1468	3	6
5.	Эльхотово	86	12	16	45	7	4
6.	Цимити	45	14	9	17	3	1
7.	Урсдон	592	84	61	306	7	5
8.	Кора	486	77	65	425	6	5
9.	Заманкул	99	13	18	48	7	3
10.	Хумалаг	276	39	50	148	7	4
11.	Синдзикау	1114	204	211	1058	5	5
12.	Текаевское	234	37	42	137	6	4
13.	ст. Архонская	315	49	65	211	6	4
14.	Христиановское	432	71	80	353	6	5
15.	Лайтакау	228	41	50	116	5	3
16.	Сев. Зарамаг	91	44	24	31	2	-
17.	Тулатовское	321	40	64	206	8	5
18.	Дарг-Кох	330	44	68	176	8	4
19.	Нов. Урух	187	36	48	123	5	3
20.	Ольгинское	117	15	18	61	8	4

Таблица составлена на основании расчета, произведенного по посемейным спискам временно проживающих крестьян [16]. Эта категория крестьян сформировалась в пореформенное время, когда временнообязанные крестьяне, по отбытии срока своих обязанностей по отношению к бывшим владельцам, приписывались к селам, где проживали временно, без земельного надела. Их число пополнялось и за счет выходцев из горной местности, которые из-за нехватки пахотных земель переселялись на равнину. Как видно из таблицы, число брачных пар превышало число семей, что свидетельствует о сохранении традиции совместного проживания близких родственников даже после семейного раздела.

Средняя численность такой семьи – 6-8 человек, средняя численность детей в семье – 4 человека. Однако трудно не заметить исключение в приведенной статистике по горным селам Сев. Зарамаг и Цимити, где зафиксирована невысокая численность семьи и, в том числе, детей. Все семьи по своей структуре малые индивидуальные, усложненные проживанием женатых сыновей в родительском доме.

Более обстоятельный анализ демографической ситуации возможен при определении численности детей не в семье, а у каждой брачной пары, и некоторые посемейные списки дают такую возможность. Например, посемейный список селения Ацонаг, где зафиксировано 17 семей фамилии Хадарцевых.

Таблица № 2

Демографическое поведение жителей селения Ацонаг
Даллагкауского прихода [17; 148]

№	Численность семьи		Число брачных пар	Численность детей у одной брачной пары			
	взрослые	несовершеннолетние					
1.	7	5	1	5	–	–	
2.	9	6	1	4	–	–	
3.	8	6	1	6	–	–	
4.	9	7	1	7	–	–	
5.	4	2	1	2	–	–	
6.	5	3	1	3	–	–	
7.	7	5	1	5	–	–	
8.	8	6	1	6	–	–	
9.	8	6	1	6	–	–	
10.	9	6	2	6	–	–	
11.	10	7	2	6	1	–	
12.	12	7	2	8	–	–	
13.	12	8	2	4	4	–	
14.	18	14	2	12	2	–	
15.	16	10	3	3	4	3	
16.	9	4	3	2	1	–	
17.	13	4	4	3	3	2	–
Итого	164	102	29				

Таким образом, средняя численность семьи составляла 9 человек; из 17 семей 9 были малыми индивидуальными, т.е. состояли из одной брачной пары с детьми. В се-

лении отмечено значительное число несовершеннолетних, 102 человека из 164. Число детей у одной брачной пары – от 1 до 12, в среднем – 4–6 человек. Незначительно число

лиц, не состоявших в браке, – всего 4 человека. В селении не было ни одной семьи без детей.

Анализ посемейных списков показывает преобладание индивидуальной семьи с совместным проживанием близких родственников, высокий уровень брачности и преобладание многодетной семьи (5 и более детей). В списках отсутствуют факты межнациональных браков, что очевидно в начале XX века было еще редким явлением [18; 336–337].

Достаточно распространенным явлением были ранние браки, обусловленные естественной необходимостью. Успешное ведение домашнего хозяйства определялось наличием рабочих рук, распределением всех обязанностей и видов деятельности между членами семьи. Ранние браки чаще встречались со стороны невесты. Наступление брачного возраста для девушек составлял 14–16 лет. Но в зависимости от местных традиций эти цифры были разными. Например, в Осетии, в селах Куртатинского ущелья, часто выдавали замуж девочек в 13 лет, в Дигорском ущелье ранних браков почти не было [19; 94–95]. Вступление в брак в столь юном возрасте поощрялось обществом, и, наоборот, осуждалась засидевшаяся девушка. Практически все женщины в возрасте от 18 до 40 лет состояли в браке, значительно было число вдов.

Мужчины могли жениться в возрасте 16–18 лет, но ранние браки среди мужчин встречались значительно реже. Причиной поздних браков среди мужчин была уплата калыма за невесту. В начале XX века А. Скачков указывал, что средний размер калыма достигал суммы 300–400 рублей, поэтому «приходится понемногу копить, вынося для этого всевозможные лишения и ждать до 35–40 лет» [19; 95]. Обычным явлением была большая разница в возрасте жениха и невесты, от 15 до 25 лет. Как указывал А. Скачков, благодаря калыму ча-

сто можно встретить супружеские пары, в которых муж старше жены на 20–30 лет и даже более» [20]. Женившись, мужчина приобретал статус полноценного члена общества, это определяло его «социальную зрелость».

На брачный возраст оказывала влияние и традиция, запрещавшая юношам и девушкам жениться и выходить замуж раньше старших братьев и сестер.

Реакцией на невозможность выплаты калыма стала практика умыкания девиц. «В среде туземного населения существует обычай платы за невесту, каковой калым дошел до чрезмерных размеров, вследствие чего молодые люди, желая вступить в брак и не имея средств к уплате калыма, совершают разного рода преступления, что пагубно влияет на экономическое положение и на нравственное состояние туземного населения» [20; 141]. Но распространившееся похищение невест совершалось, зачастую, по согласию сторон. В отличие от соседних народов, у осетин умыкание никогда не было формой заключения брака, оно вызывало негодование общества и влекло за собой кровную месть. Традиционный брак у осетин совершался путем сватовства.

В быту осетин долго сохранялись левиратские браки. Сведения о таких браках приводятся у Вахушти Багратиони, Ю. Клапрота, В. Пфафа и других авторов. По данным М. Ковалевского, левират у осетин сохранялся «во всей его силе» к 80-м годам XIX века [21; 384]. Наш полевой материал свидетельствует о наличии левиратского брака даже в 50-х годах XX века. Если жених умирал до свадьбы, а девушка оставалась засватанной в доме отца, а калым уже был полностью или частично выплачен, то на ней мог жениться брат жениха. Эта форма левирата одобрялась общественным мнением. Левират или сорорат в глазах людей был особенно

желателен, если умирала женщина и оставляла детей.

Девушку выдавали замуж по воле родителей, также как и выбор невесты для юноши оставался за ними.

Разводов почти не было. Не осуждались вторые браки, преимущественно у мужчин. «У горцев, как вообще у магометан, допускается многоженство. Этим правом горцы пользуются очень часто: многие из них имеют по две, а случается – и по три, жены. Результатом подобных супружеств является почтенная цифра детей, доходящая очень часто до 17-ти душ одних живых».

Вероятность внебрачного рождения была практически равна нулю. Внебрачные дети считались незаконнорожденными, и женщине, родившей вне брака, и ее детям, грозили общественный позор и презрение.

Особенностью и специфической моделью осетинской семьи был институт «номылус» – «жена по имени». Это явление достаточно хорошо описано в этнографической литературе. Иногда осетинские феодалы брали вторую жену, дети от брака с которой, наследуя имя отца, не являлись наследниками его имущества [22].

Изучение проблем эволюции традиционных семейных взаимоотношений в северокавказском обществе представляет значительный научный интерес, свидетельствует о специфических чертах соционормативной культуры этносов и позволяет сохранять этническую идентичность и этническое самосознание.

Совершенно естественно, что любой социальный институт претерпевает историческую эволюцию, изменяется как по форме, так и по содержанию, в соответствии с новыми политико-экономическими, социокультурными реалиями, меняются их социальные функции и роли.

Если в начале XX века в национальных регионах России на-

блюдался процесс распада больших неразделенных семей (где совместно проживает несколько поколений – **прим. автора**), и все большее развитие стал получать нуклеарный тип семьи (где совместно проживают только супруги и их дети – **прим. автора**), то сегодня приходится констатировать факт, что даже такой тип семьи угасает. Растет количество неполных семей и, так называемых, «материнских семей» и «встречающихся семей», значительно выросло число семей с одним ребенком. Следует отметить тенденции и положительной динамики в настоящее время. Меры социальной защиты и поддержки, предпринимаемые государством, в определенной мере меняют ситуацию с рождаемостью, растет число молодых семей с двумя и более детьми. Но становится нормой тенденция рождения детей вне зарегистрированного официального брака, развивается бессемейная организация жизни (так называемая стокгольмская модель – **прим. автора**). Общие кризисные явления в семье и семейных отношениях не могли не затронуть и кавказское общество.

Глобальные трансформации в современном мире меняют факторы культурно-духовных функций семьи. Специфика этих факторов обусловлена экономическими, социальными, политическими изменениями, социокультурной средой. Кавказской семье всегда были характерны такие общечеловеческие ценности, как уважение к старшим, почитание родителей и родственников, гостеприимство, взаимопомощь, патриотизм, толерантность и т.д. В силу социально-экономических, природно-географических, геополитических причин эти ценности проявлялись стабильно и ярко. Вместе с тем, в современном глобализирующемся мире кавказская семья постепенно теряет эти специфические особенности функционирования общечеловеческих ценностей.

Сохранение традиционных форм семьи, которые обладают мощным воспитательным и регламентирующим потенциалом, с четко выраженными социальными ролями и функциями ее членов, с выстроенной иерархией ценностных ориентаций, является составной частью национального возрождения.

Примечания:

1. Ковалевский М.М. Очерк происхождения семьи и собственности. М., 1939.
2. Ковалевский М.М. Современный обычай и древний закон. Обычное право осетин в историко-сравнительном освещении. Т. 1. М., 1886.
3. Клапрот Ю. Путешествие по Кавказу и Грузии, предпринятое в 1807–1808 гг. // Известия СОНИИ. 1948. Вып. XII.
4. Канукова З.В. Этнография осетинского пореформенного села. Владикавказ, 1992.
5. Уварова П.С. Кавказ. Путевые заметки. М., 1887.
6. Межидов Д.Д., Алироев И.Ю. Чеченцы: обычаи, традиции, нравы. Социально-философский аспект. Грозный, 1992.
7. Канукова З.В. Указ. соч.
8. Ногмов Ш.Б. История адыгейского народа, составленная по преданиям кабардинцев. Нальчик, 1982.
9. Бесаева Т.З. Обычаи и обряды осетин, связанные с рождением и воспитанием ребенка (XIX – нач. XX в.) // Известия СОНИИ, Орджоникидзе, 1976, Т. 31. С. 208.
10. Берзенов Н. Новый год у осетин // Кавказ. 1850. № 2.
11. Бесаева Т.З. Указ. соч.
12. ЦГА РСО-А. Ф. 30. Оп. 1. Д. 60-64.
13. ЦГА РСО-А. Ф. 11. Оп. 52. Д. 943.
14. ЦГА РСО-А. Ф. 11. Оп. 52. Д. 957.
15. ЦГА РСО-А. Ф. 11. Оп. 52. Д. 958, 964, 951, 953, 940, 949, 941, 957, 945, 946, 891, 967, 969, 959.
16. ЦГА РСО-А. Ф. 270. Оп. 1. Д. 6 (целиком).
17. Канукова З.В. Посемейные списки осетинских крестьян как этнографический источник // Проблемы этнографии осетин. Владикавказ, 1992. Вып. 2.
18. Магомедов А.Х. Культура и быт осетинского народа. Орджоникидзе, 1968.
19. Скачков А. Опыт статистического исследования горного уголка // Терские ведомости. 1905. № 219. С. 94-95.
20. ЦГА РСО-А. Ф. 12. Оп. 3. Д. 216. Л. 3.
21. Сборник сведений о кавказских горцах. 1890. Вып. III.
22. Газданова В.С. Представления о традиционных социальных институтах в общественном сознании осетин XIX века: автореф. ... канд. ист. наук. М., 1995.

References:

1. Kovalevsky M.M. Essay on the origin of family and property. M., 1939.
2. Kovalevsky M.M. Modern tradition and ancient law. Common right of Ossetians in historical and comparative light. Vol.1. M., 1886.
3. Klaprot Yu. Journey to the Caucasus and Georgia undertaken in 1807-1808. // Proceedings of SONII. 1948. Ed. XII.
4. Kanukova Z.V. Ethnography of Ossetian village in postreform period. Vladikavkaz, 1992.
5. Uvarova P.S. Caucasus. Travel Notes. M., 1887.
6. Mezhidov D.D., Aliroev I.Yu. Chechens: customs, traditions, manners. Socio-philosophical aspect. Grozny, 1992.
7. Kanukova Z.V. Decree. L.

8. Nogmov Sh.B. History of Adygei people, composed on the basis of legends of Kabardians. Nalchik, 1982.
9. Besaeva T.Z. Traditions and customs of Ossetians connected with the birth and upbringing of a child (XIX – beg. XX с.) // Proceedings of SONII, Orzhonikidze, 1976, Vol. 31. P. 208.
10. Berzenov N. Ossetian New Year. // Caucasus. 1850. № 2.
11. Besaeva T.Z. Decree. L.
12. CSA Republic North Ossetia. F.30. L.1. Dd. 60–64.
13. CSA Republic North Ossetia. F.11. L.52. D. 943.
14. CSA Republic North Ossetia. F.11. L.52. D. 957.
15. CSA Republic North Ossetia. F.11. L. 52. DD. 958, 964, 951, 953, 940, 949, 941, 957, 945, 946, 891, 967, 969, 959.
16. CSA Republic North Ossetia. F. 270.Op.1.D.6 (entirely).
17. Kanukova Z.V. Family lists of Ossetian peasants as the ethnographic source. // Problems of Ethnography in Ossetia. Vladikavkaz, 1992. Ed. 2.
18. Magometov A.H Culture and life of the Ossetian people. Ordzhonikidze, 1968.
19. Skachkov A. Experience of statistical studies of mountain corner // Terski news. 1905. № 219. P. 94–95.
20. CSA Republic North Ossetia. F.12. L.3. D. 216, 1.3.
21. Collection of information about Caucasian highlanders. 1890. Ed. III.
22. Gazdanova V.S. Perceptions of traditional social institutions in the public consciousness of the XIX century Ossetians ... Abstract of the candidate of historical sciences. M., 1995.